

С.А. ЛЕВИЦКИЙ

ТРАГЕДИЯ СВОБОДЫ (Фрагменты* книги)

Страх, свобода и психология масс

Свободу проповедовали в XIX веке и либерализм, и социализм. И, однако, трагическая диалектика истории показала, что не оказалось более заклятого врага свободы, чем именно социализм — классовый в СССР, национальный в гитлеровской Германии. Конечно, социализм социализму рознь, и английских лейбористов и немецких социал-демократов нельзя обвинять в стремлении к искоренению свободы. Но это потому, что социализм их — частичен, ограничивается социально-экономической областью, а не претендует на «социализацию душ». Впрочем, даже их сравнительно умеренный мировоззрения как лейбористов, так и социал-демократии стоит коллектив, а не личность [1]. Но это уже особая тема.

Что же касается до чисто демократических держав, то и им приходится, в силу экономических и политических условий, нередко ограничивать свободу своих сограждан в большей мере, чем это имело место, скажем, в довоенное время.

Одним словом, кризис свободы в нашу эпоху несомненен. Тем важнее попытаться проникнуть в духовную сущность этого кризиса.

С точки зрения здравого смысла, стремиться к свободе столь же естественно как для растения тянуться к свету. Свобода есть тот духовный воздух, которым только и может дышать одаренное свободной волей существо. Лжеупотребления свободы так же не доказывают «вреда свободы», как неосторожная игра с огнем не доказывает вреда огня.

Но свобода всегда связана с риском и ответственностью, она требует духовного мужества быть самим собой, осуществлять свое индивидуальное предназначение. И поэтому для людей, не созревших к духовной свободе, духовное рабство оказывается, как это ни парадоксально, предпочтительнее свободы. Разумеется, никакой здравомыслящий человек, даже слабый духом, ясно не осознает, что он, боясь бремени ответственности, предпочитает рабство. Но при этом его подсознание нередко руководится именно такой логикой «бегства от

---

* «Фрагменты» публикуются по изданию: *Левицкий С.А.* Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне: Посев. 1958. С. 298—302, 303—311, 313-317, 324—344.

свободы» [2]. Иными словами, явное стремление к свободе может ужиться с тайным стремлением к рабству. Так, всякое ложное учение, возводящее относительные ценности в ранг абсолютного, и выступающее в мантии непогрешимости, духовно порабощает, какие бы блага оно ни сулило человечеству. Только служение истине духовно освобождает, какое бы бремя ответственности оно ни накладывало. Наоборот, служение ложным кумирам духовно порабощает. Поэтому одним обманом нельзя объяснить успехи коммунизма в прошлом и настоящем. По этому поводу не мешало бы вспомнить латинскую поговорку: «Свет хочет быть обманутым. — ну, его и обманывают». Многие новообращаемые коммунисты могли бы повторить слова Пушкина, если бы они умели давать себе ясный отчет в подсознательной диалектике доводов, склонивших их к коммунизму. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Но всякий обман есть самообман, и поэтому обманываемый также, в какой-то мере, ответственен за то, что дал себя обмануть. Так, многим людям коммунизм дает уверенность в причастии абсолютной истине якобы найденной коммунизмом. Пафос абсолютного имеет соблазн для многих в наш релятивистический век. Одним словом, обычно люди бывают подсознательно готовы потерять свободу перед тем, как они действительно ее теряют. И эта их подсознательная готовность завуалируется софистикой разных лозунгов, в обильном количестве предлагаемых заинтересованными в умерщвлении свободы

Характер развития западной цивилизации за последние сто лет, в частности, тот социально-экономический кризис, который назревал уже с конца прошлого века, способствовал тому кризису свободы, о котором у нас идет речь. Социально-экономическое неравенство, от века существовавшее, достигло в XIX веке особой остроты, тем более, что потребности пробуждающихся масс увеличились, и что массы ощутили стремление быть причастными благам цивилизации и свободы. Однако либеральная демократия и ее экономическая проекция — капитализм — способствуя прогрессу, в то же время создавала условия, при которых на пути к «прогрессу свободы» стали появляться новые препятствия.

Пока созданные либеральной демократией социально-экономические условия соответствовали ее замыслу, пока для игры сил, порождаемых свободной конкуренцией, хватало пространства, до тех пор, порождаемые естественно возникающим неравенством конфликты были, при всей их болезненности и драматичности, принципиально разрешимы. Та социально-экономическая и духовная свобода, которая господствовала в XIX веке, принималась всеми как нечто самоочевидное. Основанная на рыночном хозяйстве экономическая машина регулировала самое себя, не требуя вмешательства государственного аппарата. В экономической, как и в духовной жизни, господствовал принцип: «laisser faire, laisser passer» [3].

Однако растущее экономическое неравенство, монополизация предприятий, революционная, по своему значению, механизация производства, появление безработицы, неожиданные депрессии, — все эти явления, столь характерные для нашей эпохи, но не снившиеся еще в эпоху первоначального капитализма, нарушили автоматический ход либеральной экономики. Борьба за существование и прежде была жестокой. Однако фронты ее были ясно очерчены. Каждый мог винить сам себя в неудачах и срывах. Теперь же законы экономической жизни настолько усложнились и иррационализировались, что перестали поддаваться рациональному учету. Фронт борьбы за существование потерял свою четкость. Борьба стала вестись «без фронта». Человеку стали угрожать неведомые прежде «анонимные силы», против которых он оказался «бессильным» [4]. В этой атмосфере анонимной угрожаемости нужда в страховании от его величества Случая, потребность твердых экономических гарантий хотя бы минимальной социально-экономической защищенности, стала насущной. Человек потерял ощущение своего определенного места в социальном Космосе.

Нужда в твердой планирующей руке стала более чем насущной. Этой нуждой и была подготовлена почва для возникновения тоталитарных режимов. Свобода (даже самым материалистическим образом понятая) стала сопряженной со слишком большим риском. За свободу человеку приходилось платить нестерпимым страхом своей беспомощности и потерянности в вышедшей из своих берегов социально-экономической стихии. «Человек с улицы» ощутил более стихийную потребность в социальной защищенности, чем в свободе [5]. Нечего и говорить, что фашизм и коммунизм идут навстречу этой потребности, хотя и псевдо-утоляют ее страшной ценой. Но это «человек с улицы» начинает понимать, когда становится слишком поздно.

В наше время в ведущих западных странах научились как-то бороться и с экономической депрессией, и с инфляцией, и с безработицей, притом не жертвуя принципами демократии, так что теперь меньше психосоциальных предпосылок для популярности тоталитарных идеологий. Но мы говорили сейчас о недавнем генезисе тоталитаризма, а не о теперешнем положении вещей.

Сказанное выше относится, однако, больше к генезису фашизма в Европе, чем к генезису большевизма в России.

Если в национал-социализме свободой было подсознательно пожертвовано в пользу социального обеспечения и национального возвеличения, то в русской революции, психологически говоря, главную роль играла утопия «золотого века», «царства свободы», долженствующая наступить в результате взятия народом власти в свои руки. Но, если февральская революция была революцией народной, хотя народ и не сумел сыграть в ней решающей роли, то октябрьская революция была революцией демагогизированных масс. Здесь уже имела место не столько мечта о «золотом веке», сколько сверхкомпенсация социальной неполноценности, своего рода технизированная пугачевщина, «восстание масс».

Разумеется, вожди партии, одушевленные тоталитарной идеологией, сыграли и в фашистском, и в большевистском варианте главную роль, но нас сейчас интересует психосоциальная подпочва революций — сырой материал ее. без которого никакая революция не может произойти.

Но на разных путях был разожжен массовый психоз. — на какой-то короткий момент массы ощутили себя центром мироздания.

Выражение «массовая психология» и отрицательная ее характеристика могут дать повод к недоумениям. Не всякая общественная психология является «массовой». Нормальная общественная психология соборна, а не массова. Как в оркестре, здесь индивидуальность не подавляется сыгранным коллективом, а раскрывает себя в рамках целого.

Массовая психология отражает патологическое, деформированное состояние общества, она есть психология заболевшего массовым неврозом коллектива. Массовая психология есть психология коллективного подсознания, прорвавшего сдерживающие начала и затопившая силы разума в обществе.

Общество — иерархично, масса — одноплоскостна. Общество — многолико, масса — безлика. Общество — симфонично, масса — унисонна. Общество становится «массой» и заболевает массовым психозом в таком же почти смысле, в каком одержимой может стать личность. Но массовый психоз заразительнее личного, — и в этом его опасность. Так, массовая апатия размагничивает, так, массовый энтузиазм и массовая паника заражают и ослепляют. И потому массовые психозы — величайший враг свободы. И потому «заявление своеволия» со стороны масс подготавливает почву для последующей тирании «вождей» над размагниченными «массами».

<...> Воля к власти, которой одержимы партии тоталитарного типа, встречается, таким образом, благодарную почву в современной «психологии масс», одержимых тайным страхом и явным бунтом. Самая воля к власти рождается, правда, из другого источника — из «соблазна неограниченной свободы». Однако к этой воле к власти примешан и своеобразный «страх свободы»: «вожди» боятся дать свободу массам, чтобы не быть впоследствии сметенными «взбунтовавшимися рабами». Впрочем, «страх свободы» имеет у «вождей» и, так сказать, «бескорыстный» характер, для них ненавистна самая атмосфера свободы, всегда напоминающая о вечности. Одержимые же волей к власти страшатся вечности, перед лицом которой обнаруживается духовно-моральное ничтожество их облика. Перед лицом вечности неукротимая, не знающая насыщения мания власти обнаруживает себя как иллюзорная ценность, несмотря на все "материальные" доказательства ее реализации.

Самая идея тотального властвования, которой отвечает тайная тяга масс к духовному рабству, могла возникнуть в отрешенном от вечности сознании. Идея вечности исключает манию власти, ибо Вечность несоизмерима с человеческой волей. Овладевать можно лишь к о н е ч н ы м миром.

Как это гениально показал Гегель, истинная свобода возвышается над категориями «господина» и «раба» [6]. Но не имеющим понятия о духовной свободе свобода представляется именно как господство.

Человечество оказалось не в силах оставаться на высоте идеи свободы, социально-политической проекцией которой был и первоначальный либерализм. Но в классической, либеральной демократии свобода была свободой для немногих, она роковым образом вырождалась в произвол и безудержный эгоизм. В области же культуры безответственная свобода нередко выливалась в безответственность слова и мысли.

Разумеется, сама идея свободы не терпит от злоупотреблений ею никакого ущерба. Но, в плане человеческого сознания, уже с конца XIX века стало возможным говорить о кризисе идеи свободы. В XX веке этот кризис вылился в подлинную «трагедию свободы». Свобода стала свободно отрекаться от самое себя.

Не видя исхода из этого кризиса, замечая в свободе лишь ее злоупотребления и страшась ответственности, человечество стало подсознательно отрекаться от идеи свободы, — и в этом полусознательном отречении и лежит корень массовых психозов и маний власти.

. Массы же, склонные в революционные моменты к насилию и произволу, органически не могут выносить свободы и инстинктивно ищут «вождей». В словах Достоевского «они — рабы, хотя и бунтовщики» [7], дано классическое определение "массовой психологии". Поэтому культ масс всегда парадоксальным образом приводил к культу вождей. Поэтому же «массовая психология» является одним из главных препятствий к осуществлению демократии.

Ибо демократия предполагает взаимодействие свободных человеческих волений. а атмосфере же коллективных одержимостей «воля народа» становится худшим — ибо анонимным, — тираном. Когда же массы пробуждаются от революционного похмелья то, при современной технике властвования, им оказывается уже технически невозможным сбросить с себя ярмо ненавистной диктатуры, — ярмо, которое они некогда сами помогли надеть себе на шею.

Скажем в скобках, что некоторые неумеренные демократы, обожевав «волю народа», независимо от морального качества этой воли, тем самым подкапывают свой собственный фундамент. Ибо классикам демократии не приходила в голову идея о возможности свободного отречения свободы от самое себя. Творцы демократии исходили из предположения, что воля народа всегда окажется, в конечном итоге, правой, и что лишь отдельные лица и группы могут оказаться

носителями злой воли. Практика нашей эпохи показала, что носителями злой воли могут оказаться и сами массы и что когда массы поймут свои заблуждения, то им будет уже поздно заявлять свою новую разумную волю. И, когда проходит кратковременный взрыв бунта, наступает длительное царство страха.

Наша эпоха справедливо была названа «параноической». Человека подстерегают теперь опасности, от которых, в отличие от прежних, более нормальных эпох, некуда укрыться. Как в современной тотальной войне исчезает различие фронта и тыла, так и страх становится тоталитарным, пронизывающим все существо человека.

Особенно велика роль страха в странах тоталитарных режимов. Пусть страх этот уменьшился по сравнению со сталинским периодом. Все же он существует в разбавленной степени постоянного опасения, постоянной настороженности, боязни откровенных разговоров и т.д. У власть же имущих все еще можно констатировать страх перед народом. Коммунизм (отвлекая ту систему от народа, над которым он властвует) одержим явной манией власти, от которой неотделима тайная мания преследования. Ибо, сколько бы коммунисты ни говорили о «народном» характере своей власти, и как бы народ ни «привык» к тоталитарной системе, — в глубине души власть имущие не могут не сознавать антинародного, узурпаторского характера своей власти. По этой причине коммунизм способен давать только поблажки народу, но не способен к подлинной эволюции, он не может разрешить подлинные демократические свободы. Ибо коммунизм и свобода вещи, во всяком случае, несовместные. Непониманием этой истины, отчасти, порожден современный нейтрализм.

Страны тоталитарного режима представляют собой сплошное царство страха. Мало сказать, что страх этот вызывается террором, давно уже потерявшем ограничительный эпитет «политического». — Сам террор вызывается, в свою очередь, страхом. Узурпаторы власти боятся народа и заболевают манией преследования. — подлинным источником шпиономании и мифов «о капиталистическом окружении». Большевизм одержим явной манией власти и тайной манией преследования, в свою очередь подстегивающей террор. — своего рода чертово колесо адской машины страха.

Этот тоталитарный страх бросает свою зловещую тень и на неподвластные красному империализму народы. Так, страхом, завуалированным несбыточными мечтами на «существование», порожден современный нейтрализм. Невежество нейтраллистов насчет истинной природы большевизма коренится не в простом незнании, а в «воле к невежеству». — они не хотят знать неприятной истины, почему и творят розовые мифы «сосуществования». — Недаром Артур Кестлер недавно обратил внимание на существование «политических неврозов» [81].

В странах же, геополитически будто бы далеких от смертоносных объятий красного спрута, царит на этот счет беспечность и недооценка размеров подлинной опасности. Здесь царит духовное размагничивание, духовное разоружение. Воинствующей лжи тоталитаризма не противопоставляется мобилизация духовных сил в демократиях.

Но в наше время, более чем когда-либо, мобилизация сил зла и лжи должна быть противопоставлена мобилизации сил добра и правды. Но эвдемонистическое, утилитаристическое, позитивистическое мировоззрение, которое составляет «философию жизни» большинства на Западе, не дает достаточных стимулов для такой духовной мобилизации. Люди хотят наслаждаться плодами древа свободы, перестав заботиться об его корнях. Внешний ритуал демократического режима часто принимается за его сущность, что дает казуистам от коммунизма формальный повод утверждать, что они-де не нарушают демократических свобод — недаром коммунисты, столь беззастенчивые в своем нарушении свобод, столь дорожат соблюдением формально-лицемерной фикции легальности.

Между тем, чисто формальное понимание демократии легко подменяет дух служения культом материальных благ, погоней за комфортом и удовольствия-

ми, — одним словом, способствует разъединяющим силам эгоизма и эгоцентризма. Вальтер Липпман в своей последней книге «Общественная философия» хорошо говорит о том, что современные демократии слишком удалились от тех высоких идей, которые лежат в основе «"Декларации прав", и отсутствие общественной философии стремятся выдать за достоинство, как будто демократия дает право на безмыслие» [9].

Демократическая система, говорит Липпман, лишена одушевляющей ее общественной философии, лишается тем самым и своего жизнепитательного источника. Автор видит источник несовершенства и недостатков современной демократии в угашении идеи «естественного права», которой были одушевлены Джефферсон и Джон Адамс.

Из всех естественных прав самое основное — право свободы. Идея свободы заключает в себе, конечно, и возможность злоупотребления ею, ибо запрещение злоупотреблять свободой было бы и невыполнимо, и разрушило бы замысел идеи свободы. Но с другой стороны, нельзя эти злоупотребления свободой — в данном случае, ее вырождение в культ эгоизма и материальных благ, — возводить в степень достоинств и нормы:

Идея свободы не висит в воздухе и не есть только дар власти — народу. Идея свободы — благодаренная идея. В американской Конституции сказано, что «все люди одарены Творцом неотчуждаемыми правами...». Здесь упоминание имени Творца — больше чем только фигура речи, — оно выражает политическую проекцию религиозного мироощущения творцов демократии.

Но, если свобода — богодарована, то она не бессодержательна, и не пуста, а неразрывно связана с нравственной ответственностью за ее использование.

В плане умозрительном это значит, что свобода получает свой смысл и свое содержание в рамках определенной философии свободы. Свобода мировоззрения может быть обеспечена лишь мировоззрением свободы, а не свободой от мировоззрения.

Лжеиспользование и лжепонимание свободы подготавливает почву для возможной утери свободы. Свобода никогда не может быть уничтожена только насилем извне. Утере свободы всегда предшествует ложное понимание свободы, изнутри подрывающее самую крепость свободы, делающее ее уязвимой для сил рабства. И одно из таких ложных пониманий свободы — идолатрия свободы [10], разлучающая свободу от ее верховного источника.

Сам коммунизм основан на извращенном понимании свободы, с диалектической неизбежностью превращающей свободу в рабство. Как у Достоевского «начиная с безграничной свободы, я кончаю безграничным деспотизмом» [11].

Конечно, о Западе нельзя сказать, что он понимает свободу ложно. Но можно сказать, что плоды свободы здесь часто смешиваются с их корнями, что здесь больше внимания обращено на блага свободы, чем на ее источник.

Возвращаясь к теме о взаимоотношении страха и свободы, можно сказать, что свобода освобождает, прежде всего, от страха. Но страх страху рознь. Неверно, будто всякий страх должен быть преодолен. Есть дурной и есть здоровый страх. Бояться греха, например, всегда полезно. Но это значит, что важен не только факт страха, но и его качество, его направленность, его предмет. Свобода от страха не должна сопровождаться отсутствием страха за свободу. Свобода от дурных страхов не должна означать свободы от «страха Божьего». Как наши наслажденческие и эгоистические влечения подлежат сублимации в духовную энергию, так и дурные, низшие страхи нуждаются в сублимации в благодетельный страх Божий. Ибо страх неискореним из природы человека и человек без страха был бы, поистине, страшным человеком. Психоаналитически говоря, не подавление страха, а его сублимация должна стать одной из целей психоаналитического «катарсиса».

Свободу в свободном мире подстерегают теперь две главные опасности: или беспечность, недостаток страха за свободу, что демобилизует духовные силы и

ослабляет готовность к борьбе за свободу. В таком случае может иногда быть полезна даже инъекция дозы страха, применение метода «лечения шоком». И стремление бороться с тоталитаризмом тоталитарными же методами — через фактическое ограничение свобод. В этом случае ради страха за свободу сама свобода наполняется изнутри страхом и, тем самым, перестает быть истинной свободой.

Но уточним наше понимание свободы. Есть две свободы: положительная и отрицательная, — свобода следования эгоистическим мотивам и эгоцентрического «заявления своеволия», с одной стороны, и свобода ответственного служения высшим нравственным ценностям, с другой. Отрицательная свобода есть свобода «от», положительная — свобода «для».

Большинство людей имеет склонность понимать свободу отрицательно — как независимость воли от определенных факторов, причем часто молчаливо подразумевается, что человек может зависеть от иных факторов. Так, я могу быть свободен, скажем, от похоти, но быть при этом обуян гордыней; свободен от страха перед врагом, но бояться привидений и т.п. Иными словами, отрицательная свобода большей частью бывает относительной.

Предел отрицательной свободы — «заявление своеволия», горделивое самоутверждение личности, не признающей никаких авторитетов и не боящейся ничего. Такая абсолютная отрицательная свобода, по ее замыслу, беспредельна, и человеческий разум нормально страшится такой свободы, нести бремя которой под силу лишь ницшевскому сверхчеловеку. Об этом хорошо говорит Кириллов в «Бесах» Достоевского: «я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь... страх есть проклятие человека... я хочу заявить своеволие и новую, страшную свободу мою.. ибо она очень страшна» [12]. Но такой «страх свободы» — здоровый страх, в отличие от патологического страха боязни ответственности.

Те, кто проклинают отрицательную свободу своеволия, проклинают вместе с тем и самую идею свободы. Ибо момент возможности своеволия принадлежит к сущности свободы. Существует антиномия должного и своеволия, — мир ценностей призывает нас следовать его высшей логике, но мир ценностей не может нарушить автономии своеволия, она может лишь изнутри преобразить темную свободу своеволия. На это в новейшей философии указал Н. Гартман, и идея эта прекрасно разработана в книге Б. Вышеславцева «Этика преображенного Эроса» [13].

Но трагизм и обреченность отрицательной свободы в том, что своеволие делает нас, если не рабами эгоизма, то рабами собственного «его». Зло также имеет свою градацию, и «высшие формы» зла, возвышающиеся над простым эгоизмом, как раз наиболее опасны. Так, отцы церкви справедливо почитали гордыню опаснее чувственных соблазнов.

Суммируя, можно сказать, что отрицательная свобода, будучи доведена до своего предела и продумана до конца, делает нас рабами собственного «я», собственных иррациональных капризов.

Отрицательная свобода преодолевается не в призывах к «уразумению собственной выгоды», — ибо одержимость своеволием сильнее разумного расчета, а в сублимации воли, в вознесении ее к высшим ценностям истины, добра. Путь к звездному небу свободы ведет через иррациональные бездны. Тот, кто не рискует свободой, не обретет ее. Но парадокс свободы заключается в том, что истинная, положительная свобода обретается не в самоутверждении, а в служении, притом служении не только надличным, но и надобщественным ценностям. То есть, ценности истины, добра, красоты выше по рангу/чем ценности личной или даже коллективной пользы. Коллективистическая этика подчинения личности — коллективу, в принципе не лучше этики личного самоутверждения, хотя здесь существует и разница в степени.

В этике коллективизма есть все же струя альтруизма, призыв к жертве, но не

всякая жертва благодатна, и коллективный эгоизм класса, нации и т.д. бывает по своим последствиям страшнее личного эгоизма. Поэтому-то обезбоженные массы и могут становиться проводниками злой воли, и в этом состоит указанная выше опасность заражения «массовой психологией».

Лишь служение личности высшим, сверхличным и сверхобщественным ценностям освобождает человека от темных сил личного и общественного подсознания. Но путь служения требует самоопределения и самоотречения. И поэтому закосневшая в своем эгоизме человеческая воля противится императиву истинного служения. Человек боится ответственности, налагаемой положительной свободой. Человеку инстинктивно жаль расстаться со многими иллюзиями, обильно произрастающими в удушливой атмосфере духовного рабства. И поэтому человек часто боится раскрыть окно своего дома для очищающего ветра свободы.

Итак, одним из главных препятствий на пути осуществления истинной свободы является тайный страх перед свободой. Этот страх тесно связан с волей к иллюзии и с враждой к истине. Мания власти и массовые психозы, но также и духовное размагничивание, «массовая апатия» являются главными опасностями для свободы в наше время.

Обновление демократии может быть достигнуто только на путях положительного понимания свободы, как служения, т.е. на путях солидаризации и христианизации демократии <...>.

РАЗУМ И РАССУДОК

Безумие рационализма

<...> Индустриальная революция, переменившая облик мира за последние пятьдесят — сто лет, сама способствуя развитию рационализма, является в то же время воплощением рационализма в социально-экономической области. То своеобразное сочетание рациональности конструкции со слепотой и автоматизмом, которое присуще машине, является в какой-то степени стихией самого рассудка. Машина есть как бы окарикатуренный символ рассудка, неумолимо логического, и в то же время слепого к жизни, нуждающегося в верховном руководстве разумной человеческой воли. Рассудок без разума, как машина без инженера, легко может вырождаться в слепой автоматизм, чуждый и враждебный живой жизни. И как машина может стать орудием разрушения, так и рассудок, лишенный руководства разума, легко может стать орудием злой воли.

Иначе говоря, рационализм в изыскании средств достижения цели может ужиться с иррационализмом (неразумностью) в характере этих целей. Противоречивое совмещение крайнего рационализма с не менее крайним иррационализмом составляет одну из самых характерных черт нашей эпохи.

Рассудок по своей природе утилитарен. Когда утилитарность находится на службе разума и совести, то она может только расширить размах предпринимаемых дел. Но, когда утилитарная рассудочность становится самоцелью, она может приводить и к разрушительным последствиям. Ибо рационалистический утилитаризм делает нас слепым к нравственным факторам. Для рассудка не существует ни добра, ни зла, но лишь — польза или вред.

Опыт тоталитарных диктатур показывает, насколько утилитарно рассчитан и рабский труд, и массовое истребление народов, — и в то же время, насколько весь этот тоталитарный аппарат террора не только аморален, но и неразумен.

Когда рассудок служит высшим принципам, чем он сам, тогда известный культ рассудочности может принести благие плоды. Например, принцип: достижение наибольшего результата при наименьшей затрате энергии и времени можно толь-

ко приветствовать. Но когда принцип этот становится мотивом оправдания института рабского труда, то ясно, что мы имеем тут дело с извращением нравственных понятий, к которым слеп предоставленный самому себе рассудок.

Основное заблуждение рационализма заключается в убеждении, будто рассудок — господин воли. Но рассудок всегда служит чему-то, что видно уже из того, что он производит свои операции на основании каких-то данных предпосылок и ради какой-то заданной цели. Эти предпосылки и эта цель принимаются рассудком, но не творятся им.

И, если рассудок не служит высшим, сверхрациональным ценностям, то он с охотой идет на служение мнимым и нечеловеческим ценностям. Он начинает служить мифам, носящим в наше время обязательную печать «научности» [14]. Иначе говоря, рассудок может служить слепым, иррациональным силам с неменьшим «успехом», чем силам разумным. Таким образом, крайний рационализм подготавливает почву для торжества неразумия. Нелепые, с разумной точки зрения, мифы о превосходстве той или иной расы, о благотворном влиянии доктрины «классовой борьбы», или о непогрешимости «человека с улицы» воспринимаются безо всякой критики и распространяются подобно заразным эпидемиям. В наше время, вопреки Гегелю, действительное — неразумно, и неразумное — действительно.

В жизни торжествует неразумие, а рассудок вынужден заниматься недобросовестной софистикой, оправдывая преступления, гримируя безобразие под благовидность и преподнося безумие под маской высшей мудрости [15].

В нормальной иерархии духа рассудок, как низшая способность логического построения суждений, подчинен высшей способности разума. Разум же, в свою очередь, подчинен высшей интуиции Добра, то есть вере. Но, когда эта нормальная иерархия нарушается, когда рассудок становится на место разума, то он служит не вере, но суеверию, не интуиции добра, но мифологии зла.

Для зараженного рационалистическим безумием мир представляется лишенным измерения глубины, одноплоскостным. Это логическое опустошение мира страшно тем, что оно подготавливает собой реальное опустошение «рассудком в действии». В наше время, когда философы стремятся не столько понять, сколько изменить мир, рационализм из простого отрицания глубинности мира превращается в насильственное выхолащивание из мира всего, что не укладывается в прокрустово ложе рассудочных категорий.

Наша эпоха — эпоха рационалистических утопий, за наукоподобным фасадом которых разверзается разрушительный хаос безумия. Технократия, этатизм, коммунизм, — все эти и многие им подобные плоды современности по-разному грешат «безумием рационализма». Всякая утопия, при попытке превращения ее в действительность, мстит за себя насилием над действительностью, представляя собой ту «ересь утопизма», о которой так хорошо писал С. Франк [16].

Как низшая способность мыслящего духа, рассудок слеп к «началам и концам» вещей, то есть к основным предпосылкам и к высшим синтезам ума. Рассудок чувствует себя в своей стихии в царстве «средней общности», понимая этот термин как в логическом, так и в житейском смысле. Сфера компетенции рассудка — механика суждений, где предпосылки даны и где вывод есть дело арифметики ума.

Поэтому рассудок чувствует себя в своей стихии в царстве социальной обыденности, в области стандартов в том, что именуется «банальностью». У современного «человека с улицы», у человека массы в наше время особенно развит рассудок, при почти полном отсутствии способности разума. Та самая «житейская мудрость», которая оказывается «безумием пред лицом Господа» и есть пример «безумия рационализма».

Именно привыкший к банальности и искушенный рассудочной мудростью «человек с улицы» становится наиболее послушным орудием в руках диктатуры. Тот, кто пережил опыт гитлеровской диктатуры, знает, что именно немецкий мещанин способствовал приходу Гитлера к власти, и именно из средне-низшего класса вербовались главные палачи гестапо.

В наше время «массы» стали гораздо более рассудочными, чем «элита». Бердяев в свое время заметил, что в противоположность положению сто лет тому назад в Европе и пятьдесят лет тому назад в России, «массы» становятся стихийно атеистичными, в то время как духовная элита возвращается к религии. Анекдот с рабочим, самодовольно и осуждающе вздохнувшим по адресу великого ученого Павлова, перекрестившегося, проходя мимо церкви: — "Эх, ты, темнота!" — достаточно известен. В то время как на верхах интеллектуальной культуры происходит реабилитация религиозных и моральных ценностей, в массах все более укрепляется атеизм и стихийный материализм. Это и есть плоды рационалистического просвещения, возросшие на почве массовой психопатологии. Ибо атеизм и материализм являются плоскими типами мировоззрений, наиболее соответствующими плоскому характеру рассудка, лишенного руководства разума.

Все это подтверждает и иллюстрирует основной тезис: лишенный верховного руководства разумом, рассудок вовсе не овладевает стихией жизни, не просвещает жизнь. Внешне рационализируя мир и душу, рассудок становится близоруким орудием слепой похоти жизни, орудием иррациональных сил. Рационализм сам — глубоко не рациональное явление. В своей близорукой зрячести рассудок оказывается слепым к истинному свету разума. Подменяя просвещение «просвещенством», рассудок становится орудием слепых и разрушительных сил непросветленного подсознания, играя роль недобросовестного адвоката сил тьмы. Иссущая разум и сердце, рассудок этим самым подготавливает почву для торжества всякого рода разрушительных маний. Прогресс рассудка сопутствуется регрессом интуитивно эмоциональной сферы. В нашу эпоху более всего утеряна гармония души. В результате, эмоции и волевые импульсы становятся все более архаическими. В то время как в области науки и техники мы вступаем в атомный век, в области духа мы все больше регрессируем в каменный век. Это — одна из тем писаний Юнга, — психолога не менее гениального и более целостноразумного, чем Фрейд.

Вырождение разума в рассудок и саморазрушительное безумие, разверзающееся над плоским и банальным фасадом современного рационализма — есть одна из насущных тем, вскрывающих контрапункт смысла современных свершений. Рационализм есть то самое «зловение лжеименного разума», против которого еще в XVI веке предостерегал один из лучших писателей — старен. Артемий [17].

О современном кризисе

Чтобы понять сущность кризиса нашей эпохи, который есть; в глубине, кризис личности, необходимо прежде всего учесть, что именно в европейской культуре произошло раскрепощение личности, сознание ее суверенности. Почва для этого была подготовлена христианским учением, поставившем душу человеческую «выше царств земных». Но историческая Церковь, добившаяся господствующего положения в эпоху Средневековья, подчиняла личность церковной опеке, как бы считая ее неспособной самой справляться с проблемами жизни. Поэтому раскрепощение личности, начавшееся в эпоху Возрождения, проходило под знаком оппозиции притязаниям Церкви на полноту опеки над личностью. Борьба за свободу личной совести, за право свободного исследования и свободы выбора жизненного пути являются главными моментами этой борьбы личности за свою

автономию. Протестантизм родился вовсе не только как реакция на коррупцию католической церкви на ее внутреннее обмирщение, но так же как революция личности против теократического идеала. Коррупция католической церкви только ускорила этот процесс, да к тому же, коррупция эта была вскоре преодолена изнутри иезуитским орденом. Протестантизм освобождал личность для светского делания, давая, однако, этой деятельности религиозное освящение. Он более, чем католицизм, подчеркивал трансцендентность Божества, тем самым ослабляя чувство божественности Космоса.

Тем самым все более утверждалась идея бесконечности мира — в противовес средневековой идее конечности мира. Только Бог для средневекового человека обладал предикатом бесконечности. И эта бесконечность мира воспринималась как манящий горизонт, как пробуждение пафоса исследования, Мир стал предлежать человеку как свободный простор, жаждущий своих Колумбов и колонизаторов.

В плане хозяйственном эта эмансипация личности и открытие мира как потенциально бесконечного объекта овладения дала либерализм — утверждение права и благодетельности свободной конкуренции. Личность в плане экономическом стала мыслиться как суверенная особь, обладающая неограниченным правом частной собственности, правом заключения сделок и договоров. Либерализм, собственно говоря, явился не чем иным как проекцией индивидуализма на социально-экономическую область. В центре мировоззрения либерализма стоит именно личность (не *общество*), имеющая естественное право на овладение своей долей мира. Мир, как объект возможного овладения, мыслится потенциально бесконечным. Эта идея мира как безграничного объекта, принадлежащего субъекту, является метафизическим фоном либерализма. Идея свободной конкуренции основывается, в частности, на предпосылке, что «всем хватит места», что каждый, приложивший свое усилие, свою творческую инициативу, будет вознагражден.

Идея суверенитета личности, ее неограниченной экспансии, противоречила, конечно, теократическому мировоззрению Средних Веков, с ее подчинением государства — церкви. Поэтому государственная власть на Западе склонна была тогда поддерживать нарождавшийся либерализм. Вообще, интересно заметить, что в ближайшие за Ренессансом века государство скорее утверждало, чем ограничивало личную свободу, в частности, свободу мысли. Лейбницу, например, удавалось печатать свои, на тогдашний взгляд, чересчур свободомысленные книги при поддержке курфюрста Вильгельма, при оппозиции со стороны церковных кругов. А Декарт предпочел уехать в Швецию, где покровительство королевы Христины защищало его от церковной реакции. Времена подавления личности государством придут позднее...

Все же, поскольку и государственная власть в то время сохраняла по инерции значительную долю средневекового мироощущения, и поскольку высшие сословия стремились сохранить свои, доставшиеся им отчасти по наследству от Средних Веков, привилегии, — постольку и либерализм имел свои трения с монархическими государствами. Даже в Англии, этой классической стране либерализма, эти трения были весьма заметны в конце XVII и в начале XVIII вв.

В России же либерализм воспринимался как «вольнодумство», и даже когда значительная часть русской интеллигенции прониклась либеральными веяниями (в первой половине XIX века), правительство видело в «либеральничании» опасность

Либерализм, однако, побеждал, — ибо он соответствовал чаяниям эмансипирующегося среднего сословия. Тем не менее для полной победы либерализму не хватало стихийного революционного динамизма. В самом замысле либерализма личность мыслилась соединенной с обществом скорее механически, чем органически. Либерализм приводил к отрыву личности от общественной стихии, и поневоле делал ставку на «сильнейших». В сущности, мировоззрение либерализма

было аристократическим, в смысле аристократии наиболее преуспевающих, хотя он и был в оппозиции к сословному аристократизму. В либерализме не хватало пафоса «общего дела» именно потому, что упор его был на суверенную личность.

Роль такого общественного бродила с тем большим успехом начала выполнять зарождавшаяся демократия. В центре социального мироощущения демократии стоит «народ», понимаемый как совокупность низших его слоев («демос»), но иногда (в американском варианте) обнимающий собой всю нацию. Демократию знали и античные времена, но свой главный идейный заряд современная демократия получила от просветительских идей французских энциклопедистов, в свою очередь обязанных многим Локку. Основа — демократии — идея суверенитета «народной воли», мыслившейся существенно единой. В случае несогласия большинства с меньшинством это меньшинство обязано подчиняться большинству.

В сущности, в начале XIX века не было резкой грани между демократией и либерализмом. Они шли в основном рука об руку, ибо у них был общий враг — феодальный строй, идея монархии.

Родиной либерализма была Англия, тогда как родиной демократии стала Франция и, в особом, наиболее удачном ее варианте — Америка. Французская революция была более демократической, чем либеральной. Соответственно, «народная воля» здесь довлела над свободной личностью. И французская революция дала первый в истории пример того, как легко народная воля анонимизируется и становится демагогическим орудием порабощения народа властным меньшинством. Народная воля была во Французской революции поставлена выше закона, и потому она стала незаконной. Однако во Французской революции были и положительные достижения, ибо она опиралась (не в пример русской) не реальные интересы «третьего сословия». Она была революцией патриотической, в противоположность интернационализму первоначального русского коммунизма. Благодаря же Наполеону революционная стихия относительно скоро вошла в свои берега. «Кодекс Наполеоникум» [18] был возрождением идеи права, что позволило легализовать положительные достижения революции.

В Англии либерализм постепенно «демократизовался», во Франции демократия «либерализовалась», в результате чего в середине XIX века получился новый социальный сплав — либеральная демократия. Период ее господства совпал, и не случайно, с периодом наибольшего цветения европейской культуры, кризис которой стал обнаруживаться лишь в XX столетии.

Так или иначе к моменту вступления социализма на историческую сцену, он имел двух врагов: монархизм и либеральную демократию [19], причем эта последняя рассматривалась социалистами как переходная ступень от «феодального» к «социалистическому» строю.

Важно еще раз подчеркнуть, что то, что в наше время разумеется под словом «демократия», представляет собой, в сущности, демократизированный либерализм (в американской Декларации прав этот перевес либерализма выражен особенно ярко). В тройственных лозунгах демократии — «свобода, равенство, братство», ударение решительно падает на свободу, и гораздо меньше на «равенство» (кроме равенства перед законом). Братство же играет здесь роль скорее лозунгового придатка, причем «идеисилы».

В социализме, наоборот, ударение падает на «равенство», под свободой разумеется «независимость от анти-народной власти», и меньше всего — свобода личности. Братство же здесь понимается практически как солидарность в борьбе народа за свои права, а не как общечеловеческое братство.

Либеральная демократия оказалась сильна в тех странах, где сильно было чувство законности (как в англосаксонских странах), и она оказалась слабее всего в тех странах, где идея законности в силу исторических условий, не-

достаточно вкоренилась в сознание масс (напр., во Франции и, особенно, в России).

В Англии или в Соединенных Штатах положительное право основывается, как известно, на традиции, на прецедентах, то есть на «обычном праве», которое, в свою очередь, опирается об «естественное право», в то время как на континенте преобладание получило гражданское право, основывающееся на априорных юридических положениях. Характерно, что правовая философия цвела более на континенте, в то время как в практике англосаксонские страны имели несомненное преимущество над континентальными странами.

Либеральные страны имели несомненные великие достижения: правовые гарантии личной неприкосновенности, решительное утверждение права частной собственности систему «тайных, явных и разных» выборов с их общепринятой теперь выборной техникой, уважение, победившим большинством. — прав меньшинства, признание прав юридического лица за общественными объединениями, наконец, свободу слова, печати, собраний и т.п. Все эти идеи, за достижение которых было пролито столько крови, считаются в настоящее время социально-правовыми аксиомами, и даже воинствующий коммунизм, нарушающий эти права на каждом шагу, платит тем не менее, лицемерную дань этим идеям, лживо утверждая наличие всех этих прав и свобод в СССР и странах-спутниках.

И если теперь либеральная демократия или рухнет у нас на глазах, или спешно перестраивается, то вина лежит не здесь, не в самих «правах человека и гражданина», а в том, что изменилась психосоциальная подпочва, что пробуждение масс к сознательной исторической жизни и развитие индустриальной цивилизации создают угрозу всем этим правам, отрицать которые теоретически могут в настоящее время лишь троглодиты.

С точки зрения нашего, XX века, девятнадцатый век может теперь оказаться утраченным раем. В самом деле, от наполеоновских войн до Первой мировой войны (более ста лет) Европа не знала катастрофических военных потрясений. Крымская война не коснулась Европы непосредственно. Войны между Австрией и Италией носили местный характер [20].

Самым крупным военным событием XIX века, омрачившим относительно благополучие того времени, была франко-прусская война 1870—1871 годов. Но и эта война, перевернувшая политическое равновесие Европы и посеявшая семена Первой мировой войны, была все же потрясением местного характера. Воевали все же лишь армии, хотя и крупные, а не все почти боеспособное мужское население, как это стало правилом в XX веке.

В плане социально-политическом, революции 48 года оставили после себя долго незаживавшие раны на социальном теле Европы. Но, хотя революции эти были подавлены, все же они, несомненно, способствовали социальному прогрессу. Права низших сословий на Западе постепенно признавались более и более с конца же XIX века, после реформы марксизма Бернштейном и Каутским, рабочее движение влилось в легальные рамки профсоюзов, и сами социально-демократические партии Запада начали незаметно для самих себя внутренне обуржуазиваться. С 1871 по 1914 год Европа не знала ни одного крупного военного или социального потрясения, которое означало бы коренную ломку старого быта. Индустриальная революция протекала довольно эволюционно и, на внешний взгляд, могло казаться, что ничто не предвещает близких катастроф. И на фоне этого относительного благополучия вдруг две разрушительные мировые войны и две еще более разрушительные социально-политические революции за какие-нибудь тридцать лет [21]... и грозный призрак атомно-водородной тотальной войны или покорение мира коммунизмом в недалеком будущем.

Можно, грубо говоря, наметить три главных фактора, сыгравшие решающую роль в этой «трагедизации» мировой истории.

1) Индустриальную революцию, преобразовавшую лик земного шара и, наряду с баснословной автоматизацией способов продукции, направленную в немалой степени на изобретение сверхразрушительных орудий уничтожения.

2) Выход масс на авансцену истории и, в связи с этим, пробуждение массовой психологии, столь легко переходящей в массовую психопатологию — в массовые одержимости и психозы: И, наконец,

3) Пробуждение к жизни и развитие тоталитарных идеологий (коммунизма, национал-социализма), успех которых в наш век прогресса мог бы почитаться анахронизмом, если бы он не был фактом [22].

Первый фактор (индустриальная революция) сам по себе не мог бы почитаться одной из главных причин кризиса. Ведь наука и техника могут служить с одинаковым успехом как во вред человечеству, так и на его пользу. Современная техника произвела не только атомные бомбы, но телефон, радио, телевидение, она создала удобства, о которых нельзя было мечтать и королям позапрошлого века.

Однако индустриальная революция стимулирует более развитие механической цивилизации, чем органической культуры (тезис Данилевского и Шпен-глера). Духовная культура все менее "котируется" в наш машинный век. Ибо механическая цивилизация легче усваивается, чем подлинная культура. Она требует более внешней привычки, чем духовного воспитания. Технически цивилизованный человек может быть (и нередко бывает) дикарем в культурной области. Он может превратиться в гориллообразного робота с атомной бомбой в руках. Беда здесь, разумеется, не в самом развитии техники, а в нарушении равновесия между культурой и цивилизацией, что приводит к внутренней варваризации, при сохранении декорума внешней цивилизованности.

Второй важный фактор — выход масс на авансцену истории — также, сам по себе, не заключал бы в себе беды. Если массы приобщаются к благам материальной и духовной культуры, тем лучше для масс и для самой культуры. — В наше время стало возможным создание «вселенской» культуры, тогда как в прежние эпохи «культуртрегерами» было лишь незначительное меньшинство.

Чтобы избежать недоразумений, подчеркнем, что под «массами» мы отнюдь не понимаем «народ», или большинство народа. В духе современной социологии масс, социальной психологии, мы считаем, что любая общественная или национальная группа, из дифференцированного общественного целого, может стать «массой» в порядке коллективной одержимости. В немецком языке для этого имеется соответствующее слово: «Vermassung».

При этом мы имеем в виду не естественные, и в своем роде, массовые порывы или взрывы энтузиазма или паники, повышенное национальное или даже партийное самосознание. Общественная жизнь, по-видимому, невозможна без группового или национального самоутверждения, и без некоторых его эксцессов. Речь идет здесь о более или менее длительных состояниях массового психоза, подстегиваемого «рессентиментом» [33]. Под «рессентиментом» понимается повышенно-эмоциональный комплекс, подвижный, главным образом, мотивами зависти и мести за свою реальную или воображаемую неполноценность, или коллективная мания величия, подобная гитлеровскому варианту фашизма. Макс Шелер, вслед за Ницше, справедливо придавал такое решающее значение для массовой психологии комплексу «рессентимента», который он тщательно отличал от нормального духа соревнования.

Главная же беда заключается в том, что массовая психология, вызванная к жизни пробуждением масс, характеризуется упрощенным мышлением (только черные и белые краски) и крайностями: апатией, легко переходящей в крайнюю возбудимость, нетерпимостью, садизмом (стремлением найти «козла отпущения»). Склонность к панике сочетается тут с порывами самопожертвования («на миру и смерть красна»). Массовое подсознание патологично в большей степени, чем подсознание индустриального невротика. Так, массовый энтузиазм легко

переходит в массовую истерику. Если человек, страдающий манией преследования, опасен, ибо у него легко вырабатывается агрессивно-маниакальная реакция, то тем более опасна масса, одержимая, например, шпиономанией.

И в прежнее время можно было, при особых условиях, стать невинной жертвой озверелой толпы. В наше время еще страшнее масса, организованная «вождями», которые искусственно разжигают человеконенавистнические инстинкты. Психология толпы является лишь частным случаем массовой психологии, где стихийный садизм толпы уступает место организованному садизму [24].

Одним словом, массовое подсознание архаично. Оно регрессирует, психологически говоря, в каменный век. Поэтому с выступлением масс на сцену истории, вождями становятся гениальные демагоги, эти «великие упрости́тели», по слову Буркгарда [25].

Тоталитарные идеологии (третий фактор) идут навстречу этим подсознательным чаяниям масс и амбициям «вождей». Тоталитаризм, психологически говоря, есть порождение массовой психопатологии, и питается ее темными корнями.

Тоталитарные идеологии нашего времени обладают специфическими чертами. Во-первых, эти идеологии наукообразны и мифичны. Они наукообразны, ибо «научность» получила в наш век авторитет критерия истины, так что современным идеологиям приходится маскироваться под «научность». В то же время они — мифичны, ибо одушевлены иррациональным мифом (миф о скачке из царства необходимости в царство свободы в марксизме, миф об избранной расе в национал-социализме, миф об абсолютном государстве в фашизме и т.д.). Оговоримся, что слово «миф» не обязательно является синонимом дурной неразумности или суеверия. Высшие истины могут быть возведены лишь в форме мифа, который является метафизическим суждением, где метафизический, сверхчувственный субъект связан с чувственным, символическим предикатом. Мифы о сотворении мира, о грехопадении, о воскресении принадлежат к мифам высшего порядка, где Непостижимое, Несказуемое выражается в символическом повествовании. Но когда мифы выходят из присущей им религиозной области и «секуляризуются», претендуя на непогрешимость, — это является признаком их недоброкачества. Во всяком случае, смешение мифичности с «научностью», которое столь характерно для современных тоталитарных идеологий, не идет на пользу ни науке, ни религиозной мифологии, и представляет собой профанацию обеих.

Современные тоталитарные идеологии, конкретнее говоря, носят неизбежный «массовождистский» характер. Современные тоталитарные идеологии коллективистичны. Они льстят массам, которым они обязаны своей популярностью, и которые являются их проводниками и опытным полем их применения на практике. А так как массы не могут жить без организации и без организующих — без вождей, то тоталитарные идеологии не могут обойтись без славословия вождям, все равно — единоличному диктатору или «коллективному руководству».

Далее, мифология тоталитарных идеологий неизбежно построена на светлых и черных красках, — категория «врагов народа» в них играет еще большую роль, чем та, какую играл Диявол в фанатически понятом христианстве. Поэтому тоталитарные идеологии больше призывают к борьбе, в принципе, беспощадной, в которой «враги народа» должны быть, рано или поздно, искоренены и стерты с лица земли, хотя в то же время, они нуждаются в этих врагах, как в стимулах ненависти и козлах отпущения.

С этим связана неизбежная атеистичность современных тоталитарных идеологий. Этот атеизм не обязательно выражается в прямой форме. Гитлер, например, по-видимому, искренне верил в «свое» Провидение. Но, во всяком случае, они атеистичны по своему безбожному духу отрицания вечности, отрицания образа Божьего в человеке. Тоталитарные идеологии носят неизбежно «антихристов» характер, хотя бы они на словах «признавали» Бога.

Мы отнюдь не утверждаем, что тоталитарные идеологии являются лишь «надстройкой» над индустриально-массовым базисом. Это было бы «психологизмом», — сведением духовного мира (в данном случае духовного с морально-отрицательным знаком) — к эпифеномену над экономически-социальным (массовым) базисом. Идеи не творятся человеческим гением, но лишь «открываются» им. Но, во всяком случае, индустриальная революция и «восстание масс» сыграли роль благодарной почвы для внедрения в массы тоталитарных идеологий. Микробы тоталитаризма нашли в современных массах благодарную «питательную среду».

Из перечисленных трех факторов (индустриализм, массовость, тоталитарность идеологий) именно тоталитарная идеология является главенствующим фактором. Ибо и индустриальная революция и даже массовая психология могли бы, теоретически говоря, приобрести иной, человечески приемлемый, облик, если бы их не возглавляла тоталитарная идеология.

Но здесь возникает «роковой» вопрос: почему же человеческая идеология либеральной демократии оказалась столь слабой, что она не смогла, — на Востоке, по крайней мере, противостоять натиску бесчеловечных идеологий тоталитаризма. Почему идеология свободы потерпела столько позорных поражений от идеологии рабства?

Ближайшие причины этого были уже намечены нами: тоталитарные идеологии (особенно марксизм) более отвечают потребности в нужде в индустриализации жизни. Ведь, на первый взгляд, государству легче проводить индустриальные проекты в гигантских масштабах. Идеал «технократов», — мир как сеть планомерно организованных гигантских «фабрик», — как будто лучше всего осуществим при наличии единого планирующего центра, т.е. государства.

Вторая причина, также отмеченная нами, заключается в том, что тоталитарные идеологии лучше всего отвечают, благодаря своей прямолинейности и «упрощенческому» характеру, примитивному мышлению масс.

Но главная причина успехов тоталитаризма заключается в том, что либеральная демократия лишена той целостности и той обращенности ко «всеми» человеку, которыми характеризуются тоталитарные идеологии. Либеральная демократия не мобилизует духовных сил человека, слишком доверяя мифу о врожденной неспорченности человеческой природы. Либеральная демократия хорошо отвечает разумной сфере в человеке, но она слепа к иррациональным силам в человеческой природе как в низшем значении (массовое подсознание), так и в высшем (недооценка религиозной сферы).

Либеральная демократия как бы говорит индивиду — ты свободен, но она воздерживается от ответа на вопрос: ради чего я свободен? Единственный ответ на вопрос о смысле свободы — для большинства людей — для вящего удовлетворения моих потребностей. Но так как для большинства потребности сводятся к материальному благополучию, то цивилизация, построенная на выработке средств удовлетворения этих чувственно-материальных потребностей, неизбежно будет носить материалистический характер, и не будет стимулировать духовных сил человека. В такой материальной цивилизации затухает самый огонь свободы. Когда же теряется идея самоценности свободы, то перестают цениться и блага духовной культуры. К тому же, так как стимулируемая такой материализованной цивилизацией «борьба за существование» дает свободу сильнейшим, а их всегда меньшинство, то в недрах такой цивилизации всегда найдется достаточное число неудачников или просто беспочвенных интеллектуалов, которые будут мечтать о лучшем строе. Тоталитарные идеологии всегда смогут вербовать себе сторонников из всех этих категорий, — начиная от неудачников или прямых жертв несправедливости, от людей «дна», до неудовлетворенных неприменимостью своих сил интеллектуалов. Практика показывает, что наиболее фанатичные сторонники тоталитаризма вербуются именно среди низших и высших слоев. В Германии, правда, национал-социализм был поддержан именно

средним слоем, но это оттого, что в веймаровской Германии само среднее сословие было «деклассировано», равно как и в силу национальной окраски гитлеризма.

Перечислим вкратце главные из стимулов, толкающих многих на путь тоталитаризма. 1) Многим может представляться, что в плане экономическом тоталитарное государство может лучше направлять народное хозяйство, ибо «сверху, власти, виднее*».

2) В плане социально-экономическом, — тоталитарному государству как будто легче бороться с безработицей, почти неизбежно возникающей в условиях современной техники. В плане социально-психологическом, — тоталитарное государство легче может давать массам ощущение своего места в общегосударственном «деле». В тоталитарном государстве нет места «неприкаянной свободе», тоталитарное государство лучше отвечает потребностям «массовой психологии», инстинктивно ищущей направляющей руки. Технократы и «люди с улицы» в тоталитарном государстве как будто должны чувствовать себя «на месте», тем более, что тоталитарные диктаторы не скупятся на слова лести по адресу «среднего человека».

Конечно, за все это тоталитарное государство требует послушания, и не может не ограничивать свободы духовного творчества и свободы мысли. Духовная элита не может не быть против тоталитарного государства, и духовная культура здесь неизбежно снижается. Но не лучше ли, спрашивают многие, — «сытое довольство» и благоустроенность большинства, чем та духовная анархия и то социально-экономическое неравенство, которые царят в государстве либерально-демократическом?

Мы нарисовали выше утопию «благоустроенного» тоталитарного государства. Однако исторические примеры опровергают эту утопию. В Советском Союзе нет и тени того «сытого довольства», ради которого некоторые теоретики тоталитаризма готовы были пожертвовать духовной свободой. Наоборот, в СССР царят коллективная нищета и коллективное бесправие. Если в СССР нет классов, в старом смысле слова, то там произошло новое расслоение общества, с новыми привилегированными группами: высшие партийцы, выдвиженцы, знатные люди, орденосцы. Массовый террор аппарата МГБ достиг при Сталине чудовищных размеров, в лагерях рабского труда томится двадцатая часть населения. После-сталинская эпоха «коллективного руководства» внесла частичающие коррективы в эту мрачную картину, но не изменила ее по существу.

Гитлеровская Германия конца 30-х годов (до войны) более приближалась к утопии умеренного тоталитаризма с «сытым довольством» для масс, с ликвидацией безработицы и с весьма тонким слоем страдавших от духовного гнета тоталитаризма. Но в процессе войны гитлеровский режим обнаружил свой бесчеловечный лик, ещё неясно проступавший в довоенные годы. Но и в тридцатые годы ликвидация безработицы была достигнута ценой превращения страны в вооруженный лагерь: вне ставки на тотальную войну гитлеровский режим не имел бы смысла.

Одним словом, антитезис либеральной демократии оказался гораздо хуже всего тезиса. Но это не значит, что тезис был хорош, и что все зло пришло извне. Фашизм и национализм — сами — порождения кризиса либеральной демократии. — кризиса, который они остро чувствовали. Фашизм и национал-социализм — порождения грехов либеральной демократии, и защищать незыблемость либерально-демократического строя — значит усиливать потенции, неизбежно ведущие к тоталитаризму того или иного типа.

Тем более, что либеральная демократия фактически перерождается и перестраивается в наиболее передовых странах. Чистокровная либеральная демократия стиля XIX века представляла бы собой в наше время анахронизм или утопию [26].

Если западные демократии (при мощной поддержке большевизма) победили силой фашизм, то именно потому, что они предоставили государству неслыханные прежде полномочия, — что демократия сумела перестроиться на военный лад.

На европейском континенте Франция и Италия, — страны, еще держащиеся за либеральную демократию, представляют собой образец национального разложения с растущим экономическим неравенством, с чехардой министерских кабинетов с многомиллионной «пятой колонной» с непониманием истинного положения со стороны демагогизированных масс.

Исключение составляют англосаксонские демократии и возрождающаяся западная Германия. Эти страны нашли мудрый компромисс между либеральной демократией и «духом времени», требующим частичной, хотя бы, национализации промышленности и бдительного ока государственного контроля над народным хозяйством. Современный «капитализм» есть своего рода «социал-капитализм», или «народный капитализм», где капитал расползается по массам. Фактически Великобритания, Соединенные Штаты и западная Германия учли уроки социализма и фашизма, не впад при этом ни в социализм, ни в фашизм. Они на практике восприняли необходимость контроля над хозяйством, не убивая частной инициативы, а направляя ее по безопасным руслам. Они стоят на страже «рыночного хозяйства» именно потому, что охраняют это хозяйство от чрезмерных притязаний монополий. Эти государства, разными путями, идут навстречу экономическим чаяниям масс. Одна система прогрессивного, налогового обложения, при которой миллионеры вынуждены отдавать государству иногда до 90 проц. своего дохода, — является прямым вызовом прежним экономическим догмам либеральной демократии. — Ведь здесь подвергается значительному ограничению экономическая свобода личности, пусть хищнической.

Настоящими собственниками в современном капитализме являются не индивиды, а акционерные общества, гигантские концерны, которые охватывают все более широкие слои средне-высших классов. При таком положении вещей капитал имеет тенденцию скорее расползаться по карманам весьма значительного меньшинства, которое может перейти завтра и в большинство. Эта тенденция и не снилась Марксу, учившему о неизбежности концентрации капитала в руках привилегированной «сотни семейств». Весь этот процесс можно уподобить «прививке тоталитаризма», защищающей от заболевания подлинным тоталитаризмом.

При этом основные демократические свободы, и прежде всего, духовная свобода, остаются неприкосновенными, в то время как от традиционно либералистического «laissez faire, laissez passer» и от неограниченной свободы конкуренции остались рожки да ножки.

Фактически, современные передовые демократии являются не либеральными (по крайней мере, в традиционном смысле этого слова). Они, собственно, еще не нашли своего имени. «Социал-капитализм» и «народный капитализм» являются попытками описать эту новую и, прямо скажем, благотворительную формацию общества.

Фактически, передовые западные демократии все более приближаются к идеалу «welfare state» [27], как бы ни боялись этого слова в странах, все еще считающих себя, по инерции, твердыней капитализма. В условиях этого «государства благосостояния» становится все меньше почвы для массовых психозов, ибо основные чаяния масс здесь, в основном, удовлетворяются.

Это дает нам повод еще раз вскрыть «психометафизику» либеральной демократии.

В либеральной демократии общество понимается механически: как сумма индивидов, а не как сверхличное коллективное целое. Но так как общество, по своей природе, обладает сверхличной реальностью, то непризнанная сила общественной стихии все же прорывается, но не как симфоническое «мы», не как

«коллективная личность», но как коллективная безличность, — как «массовая психология», — Непризнанная общественная стихия, не направленная по каналам, прорывает плотину идолов индивидуализма и тогда в наводнении коллективизма тонет живая личность. Тогда наступает «коллективизация душ», которая предшествует коллективизации собственности и гораздо страшнее последней, ибо разбушевавшаяся коллективистическая стихия выгоняет личность из насиженного гнезда личной свободы и личных прав. Будет ли этот коллективизм носить коммунистический или фашистский оттенок, — сравнительно вторично. Важно, что либеральная демократия, с ее культом вне-этнического индивидуализма, готовит себе гибель в своих собственных пределах: злоеущие силы тоталитаризма зреют внутри режима свободы, если свобода эта понимается как право на эгоизм и на бескультурие. В недрах несублимированной свободы зреют и ждут своего часа силы рабства. Эмбрионы тоталитаризма таятся в подполье либеральной демократии и эмбрионы эти, питаясь всеми пороками непросветленной свободы, быстро обрастают агрессивным телом.

Так, в недрах свободы имманентно порождаются силы рабства, ждущие лишь своего часа, чтобы при благоприятных внешних условиях, найти своего «вождя», и разрушить то здание, в стенах которого они выросли [28].

Оговоримся: было время — еще сравнительно недавнее, когда либеральная демократия сама соответствовала «духу времени». Тогда — также изнутри рушился и гнил феодальный строй. Тогда личность «секуляризировалась», ибо вместо подлинной теократии, феодализм осуществлял ложное, насильственное лже-подобие теократии. Тогда была эпоха экспансии — как в плане личном (борьба за индивидуализм), за проявление личностью ее земных талантов, за право на наслаждение здешней жизнью, так и в плане политическом: тогда было еще в мире «достаточно места», и идея бесконечности манила, а не пугала, как теперь.

Но теперь наступает конец «нового времени» (*Das Ende der Neuzeit*) [29]. Экспансия личности дошла до того предела, где начинается ее рассеивание в безвоздушное пространство, ее распадение. Мир теперь все больше переполняется, в нем осталось мало «свободных мест», политическая и экономическая экспансия становится геополитически невозможной. Горизонт бесконечности замкнулся, — даже в науке идея конечности мира получает больше прав гражданства. Но когда нет больше места для экспансии, то насущно необходима гармонизация — тогда не экспансия, а интенсификация становится единственным направлением развития человечества.

Личность снова должна найти свой потерянный центр, общество должно солидаризироваться. Если личность и общество не поймут этого «категорического императива времени», то личности грозит порабощение, и обществу — «коммунизация», что, в сущности, одно и то же.

В наше время, когда произошло «обобществление личной судьбы» (Бердяев), личность больше не может позволить себе роскоши эгоистического отъединения от общества. Как в «мире нет больше островов», так в мире нет больше замков с висячими мостами, где личность могла бы отсиживаться от разбушевавшихся общественных стихий. Гордая английская поговорка — «мой дом — мой замок» — перестала соответствовать действительному положению вещей, ибо давление общественно-государственной сферы сделало стены этого замка проницаемыми. Личность не обладает больше неограниченным правом заключения договоров и сделок, ибо все эти договоры и сделки существенно ограничены, теперь публичным и государственным правом. Невозможным стало теперь запросто путешествовать. - не говоря о том, что «путешествие» в страны Железного занавеса стало привилегией немногих журналистов; получить визу даже в страны свободного мира — далеко не простое дело. Дипломы одной страны не признаются в других странах, даже если образовательный ценз в этих

странах много ниже. Квалифицированному рабочему, не состоящему в тред-юнионе, чрезвычайно трудно получить работу; человек, не состоящий ни в какой-либо профессиональной организации оказывается «без связей». Рабочие и служащие всех стран платят львиную долю своего дохода в государственную казну, не говоря о прочих почти обязательных взносах. Это относительное обобществление личности неизбежно и оправдано в условиях индустриально-массовой культуры, но она противоречит прежним догмам индивидуализма и либерализма.

Словом, общественная стихия, даже и не бушующая, а пущенная по безопасным каналам, отрывает от личности, кусок за куском, его прежние неотъемлемые права, ограничивает и сужает сферу его личной свободы.

В таком обобществленном мире не прежнее гордое право на «дом-замок», а скромное право на интимный уголок может показаться пределом мечтаний. Сама жизнь идет в направлении социализации, хотя и не в том смысле, как это хотелось бы социалистам.

Поэтому же прежний идеал «полного и многостороннего развития личности» оказывается неосуществимым, и культ личности в наше время психологически невозможен. Поэтому-то пышное цветение индивидуальностей, столь характерное для XIX века, особенно первой его половины, отошло теперь в область неповторимобывшего. Дело теперь идет не о том, чтобы развить свою личность, сколько о том, чтобы сохранить свое индивидуальное лишь в обезличивающем потоке общественной стихии. Первым еще можно пожертвовать — «многосторонне и гармонически развитая личность» в наше время оказывается утопической роскошью. Сохранение же второго — (своего лица) есть категорический императив личного и человеческого достоинства, и этот «минималистический» идеал еще достижим. Если бы он стал недостижимым, цивилизация потеряла бы право на эпитет «человеческая».

Это все значит, что нам надо отречься от горделивого идеала Личности, как эгоистического и эгоцентрического атома. Личность должна быть понята не только сама по себе, но в ее первичном отношении к общественному целому. В личности — «я» должно органически сочетаться с «мы», иначе это «мы» превратится в безликое коллективное «оно», в ядовитом растворе которого растворится и «я».

Возрождение религиозного сознания может быть единственным путем к обретению личностью утерянного духовного центра и, как следствие, — единственным путем к сублимации безликого коллектива в соборное общественное целое, в надличное «мы». Ибо через любовь к Богу мы любим ближнего, и через перенесение духовного центра личности в религиозную сферу открывается единственный путь к «соборизации» человечества. Соборность, солидарность есть единственное спасение от демонов коллективизма и массовождизма:

Это означает, что мир начинает сознать порочность путей как индивидуализма (легшего в основу либерализма), так и коллективизма (лёгшего в основу тоталитаризма). В наше время как индивидуалистической культуре, с ее культом личности и недоучетом общественной стихии, как и культуре коллективистической, с ее социально-экономическими достижениями, сводимыми на нет удушением свободы и установлением бесправия, приходит конец.

Будущее принадлежит не индивидуализму, а персонализму, где вековой конфликт между личностью и обществом имеет шансы быть разрешенным на основе утверждения свободы, при императиве служения свободы ценностям сверхличного и сверх-общественного порядка, прежде всего — ценностям религиозно-моральным.

Конфликт между личностью и обществом может быть разрешен только исходя из надличной и над-общественной сферы высших ценностей в духе вознесения к которым и служения которым надлежит воспитывать человечество. Это, конеч-

но, — длительный и тернистый процесс, требующий своего действительного преломления в различных, относительно автономных сферах практической деятельности (в экономике, в социальном законодательстве и пр.). Обещающие начала такого развития даны в новейших тенденциях общественного развития в наиболее передовых странах свободного мира.

Так или иначе, один из главных корней современного кризиса — в ложном понимании свободы (индивидуализм) и в отрицании свободы (коллективизм). Трагедия современности есть, в глубине своей, трагедия свободы, неосознавшей свою подлинную свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1*. *Hayek F.* Road to serfdom.
- 2*. *From E.* Espace from freedom. N.Y.: Rinchart inc., 1941 [Фромм Э. Бегство от свободы М.: Прогресс 1990].
3. Букв.: позволяйте делать кто что хочет (фр.); здесь — «принцип невмешательства».
- 4*. *Jaspers K.* Die geisrige Situation der Zeit. Berlin: der Gruyter Verlag, 1931.
- 5*. *Ortega y Gasset.* The rebellion of the masses. [Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопр. философии. 1989. №№ 3-4.]
6. Имеется в виду рассуждение Гегеля о «Господине и рабе» в «Феноменологии духа» (Гегель. Соч. М., 1959. Т.IV. С. 103-106).
7. Левицкий не совсем точно воспроизводит слова Великого Инквизитора, обращенные к Иисусу Христу: «Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками» (*Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полн. собр. соч. Пг., 1978. Т. 12. Ч. I. С.304).
8. Артур Кёстлер (1905—1983) — английский писатель (по происхождению венгерский еврей), в конце 30-х годов порвавший с коммунистами, автор известных романов «Слепящая тьма» (рус. перевод: Нева. 1988. №№ 7—8), «Земные подонки», «Гладиаторы». С.А. Левицкий, вероятно, имеет в виду его автобиографическую книгу «Невидимая литература» (1954), отрывок из которой опубликован в «Литературной газете». 1988. № 31. 3 авг.
- 9*. *Lippmann W.* Essays in the public philosophy. Boston: Little Brown, 1955.
10. Т.е. превращение свободы в божество. «Всякое мировоззрение, — пишет Левицкий, — делающее из свободы не только центральную самоценность, но абсолютизирующее свободу, — всякое такое анархическое мировоззрение освящает право на произвол...» (Левицкий С.А. Трагедия свободы. С. 247—248). «Наряду с экзистенциализмом еще более тонкую форму "идолотрии свободы" представляет учение Бердяева, где дана неудачная, но титаническая, по-своему, попытка примирить мораль творческого дерзания с "благой вестью" христианства» (Там же. С. 249).
11. Слова Шигалева из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» (Ч. 2. Гл. 7. П: Поли. собр. соч. Л., 1974. Т. Ч. С. 311).
12. Цитируются (не вполне точно) слова Кириллова из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (Ч. 3. Гл. 6. П Поли. собр. соч. Л. 1974. Т. X. С.472).
13. Б.П. Вышеславцеву (1877—1955) посвящена специальная статья С.А. Левицкого, опубликованная в журнале «Грани». 1965. № 57. «По тонкости его мысли, по богатству ее оттенков, — считает он, — Вышеславцева можно назвать Рахманиновым русской философии. Без его яркой фигуры созвездие мыслителей русского религиозно-философского Ренессанса было бы неполным» (Указ. соч. С. 175). «Вышеславцев, — по мнению С.А. Левицкого, не достиг той степени славы, которую он заслуживал, в силу ряда внешних причин» (Там же. С. 164).
- 14*. *Jaspers K.* Vemunft und Widervemunft in unserer Zeit. 1950.
- 15*. *Alexander F.* The Age of Unreason. Chicago, 1946.
16. *Франк Л.С.* Ересь утопизма // Новый журнал. 1944; Родник. 1989. № 6.
- 17*. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. 1936 [Старец Артемий — церковный деятель и публицист, один из идеологов «нистязателей», в 1554 г. был осужден «иосифлянами» на церковном соборе и сослан в Соловецкий монастырь, откуда бежал в Литву, автор 14 посланий!]
- 18*. «Кодекс Наполеона», был создан в 1804 г. В основу его положены римские «институции» — элементарные учебники римских юристов (Гая, Павла, Ульпиана и др.), в которых дается систематический обзор действующего права. Согласно Гегелю, Кодекс Наполеона «подтвердил» свободу собственности, которую «французы быстро обрели благодаря революции» (Гегель. Философия права. М., 1990. С. 463). См. также: *Зом Р.* Институции. В. 1-2. СПб., 1908—1910.
- 19 О соотношении демократии и социализма см., например, в брошюре НИ. Бухарина «Теория пролетарской диктатуры» (1919), где этому вопросу специально посвящена глава «Крах

- демократии и диктатур» пролетариата» (Бухарин НИ. Избранные произведения. М., 1988. С. 13—19).
20. Имеются в виду австро-итальянская (1848—1849), австро-итало-французская (1859) и австро-итальянская (1866) войны, из которых последние две являлись этапами объединения Италии, завершившегося в 1870 г.
  21. В качестве «второй» «разрушительной революции» Левицкий, вероятно, считает коммунистическую революцию в Китае в 1949 г.
  - 22*. Вышеславцев Б. Кризис индустриальной культуры.
  23. От фр. ressentiment — злоба, неприятие.
  - 24*. Reiwald P. Vom Geist der Massen. 1946.
  - 25*. Burkhardl. Force and freedom.
  - 26*. Об утопических элементах в идеологии либеральной демократии см.: Mannheim K. *Wetologie und Utopie*.
  27. Государство всеобщего благосостояния (англ.).
  - 28*. Sheen, Fulton. *The Communism and the conscience of the West*. 1949.
  - 29*. Romano Guardini. *Das Ende der Neuzeit*. 1951. [Гвардини Р. *Конец нового времени // Вопросы философии*. 1990. №4].

---

* Примечания, отмеченные звездочкой, принадлежат С.А. Левицкому. Дополнения к ним заключены в квадратные скобки.

Подготовка к публикации и примечания

В.В. САПОВА